

А. В.
АМФИТЕАТРОВ

Избранное

Александр Валентинович Амфитеатров

Ф. Н. Плевако

«Роскошное издание, воздвигнутое, как надгробный монумент, любимому мужу признательною вдовою, при содействии бывших товарищей-помощников знаменитого витии. Недюжинный, замечательный человек покоится под этим памятником дружбы и любви. Необыкновенным не решаемся его назвать потому что, наоборот, Ф. Н. Плевако представляет жизнью своею как раз самое обыкновенное явление на Руси: стихийный талант, размыканный почти что непроизводительно – едва ли не потому только, что было его как-то уж слишком много и ни в какую-то культурную дисциплину он не укладывался, а бурлил себе, скиф скифом и самовар самоваром, „по вдохновению“ и „от себя“...»

**Александр Валентинович
Амфитеатров
Ф. Н. Плевако**

Роскошное издание, воздвигнутое, как надгробный монумент, любимому мужу признательною вдовою, при содействии бывших товарищей-помощников знаменитого витии. Недюжинный, замечательный человек покоится под этим памятником дружбы и любви. Необыкновенным не решаемся его назвать потому что, наоборот, Ф. Н. Плевако представляет жизнью своею как раз самое обыкновенное явление на Руси: стихийный талант, размыканный почти что непроизводительно – едва ли не потому только, что было его как-то уж слишком много и ни в какую-то культурную дисциплину он не укладывался, а бурлил себе, скиф скифом и самовар самоваром, «по вдохновению» и «от себя». В конце концов, прошумев добрые полвека блестящими обещаниями и радужными ожиданиями, Плевако погас и – к одинаковому удивлению и врагов своих, и поклонников – заметной пустоты в обществе на убылом месте не оставил. Ушел из мира, быть может, и в самом деле «гений слова», как зовет своего бывшего патрона г. Муравьев, и даже нельзя сказать, чтобы «непризнанный гений»: кто избалован был

любовью, вниманием и потворством широкой русской публики больше, чем Ф. Н. Плевако? Разве вот теперь тезка его, Ф. И. Шаляпин! Но «гений слова» прошел в мире как-то без прикладных результатов – «министром без портфеля». И так как он ушел, а портфели жизни все остались целы, то скоро насущная забота о них безжалостно затерла память о нем – и стала она увядать, нужная лишь тесному кружку любящих родных и благодарных личных друзей. Усилие, сделанное кружком этим к увековечению дорогой для них памяти, благородно, но вряд ли поведет к желанным результатам. Речи Ф. Н. Плевако, печатными буквами на бумаге, похожи на его изустную речь не более, чем скелет рахитика на стремительный торс и огненный лик Аполлона Бельведерского.

Почти сорок лет повторялся о Плевако один и тот же суд общества: какой могучий народный трибун пропадает в этом талантливейшем адвокате! Акт 17 октября 1905 года удовлетворил желанию общества: талантливый адвокат получил возможность и вскоре призвание явиться трибуном. Но – что же?

Как только Плевако оделся в эту новую роль, тот же общественный суд немедленно вздохнул – и, надо сознаться, вполне основательно:

– Какой великолепный адвокат напрасно угас в этом плохом трибуне!

Почти год стоял Плевако на посту народного представителя – и не осталось «от „гения слова“» за этот период его жизни ни одного памятного слова. Напротив, – словно на смех, – остались, увековеченные газетными отчетами, жесты: «стучал по пюпитру», «грозил кулаком»... Что же это за насмешливая судьба такая? что за жизнь и деятельность, вывернутые «шиворот навыворот»?

Существует мнение, что слабость Плевако на государственной трибуне была механическим результатом его возраста и утомления жизнью, что трибуна досталась Ф. Н., как в басне Крылова – старой белке наградные орехи:

*Все на отбор, орех к ореху – чудо!
Одно лишь только худо:
Давно зубов у белки нет!*

Мнение это находит подтверждение в том, что год государственной деятельности Плевако – его предсмертный год (ум. 23 декабря 1908 г.). Но этому мнению противоречат почти одновременные блестящие судебные выступления, являвшие Плевако тем пламенным силачом-оратором, как и четверть века тому назад. Кто в ноябре 1904 года не прислушивался с одобрением к громовому голосу частного обвинителя по «Делу» князя В. П. Мещерского, обвиняемого М. А. Стаховичем в клевете:

Осуждение князя Мещерского нужно как символ, как оправдание нашей веры в правосудие, чтобы дышалось свободно честным сердцем и задыхалось от собственного яда клевет недобросовестное, лживое слово, на какой бы бумаге оно ни было написано, на серой ли, из обихода мужика, или на глянцевой, с княжеским гербом, как это сделал князь Мещерский.

Оцените же поступок князя, и к его древнему имени пусть добавят и имя клеветника!

И никто никогда не смоеет этого указания на его подвиг...

Это ли голос старика?

Другие думают, и мы до некоторой степени разделяем этот взгляд, – что – на известного сорта орехи – белка и в молодости оказалась бы не зубастее, чем показала ее старость. Приемы убедительности у Плевако всегда господствовали над существом убеждения. Ораторское «как» было в таланте Плевако всегда сильнее гражданского «что». Страшная сила темперамента и блестящий дар слова успешно помогали Ф. Н. выдавать свое «как» за «что» на трибуне частной защиты и частного обвинения. Трибуна же защиты общественной и общественного обвинения потребовала выдвинуть вперед и, прежде всего, «что», ответственное, ясное, насущно-жизненное...

*Брось свои иносказанья
И гипотезы пустые!
На проклятые вопросы
Дай ответы мне прямые!*

Очень может быть, что Плевако, до своих политических выступлений, и сам искренно верил, будто есть в нем для них какое-то «что». Иначе он вряд ли и принял бы звание народного представителя. В этом человеке,

наряду с хаосом «широкой природы», жила пытливая самосознательная совесть и не было ни капли шарлатанства. Когда он разобрал, что на проклятые вопросы ему ответить решительно нечем, кроме привычного краснословия, он сам покинул Государственную думу. И – далеко не только по болезни, но и по честному инстинкту порядочного человека, понявшего, что он попал совсем не туда, куда рассчитывал, делает не то, что надо, и поет не в том хору, где ему петь «вместно». Партия, ожидавшая, что популярность и талант Плевако будут главными козырями ее игры, потерпела горькое разочарование. Да еще и у могилы Плевако пришлось октябристам провести недобрую четверть часа:

– Это вы уморили его! – бросила им упрек вдова.

Но «самочувствие» пришло позже. Вначале же, обманутый в самом себе громадной пестротой своей вечно движущейся диалектической мысли и ораторскою привычкою быстро переводить мысль в цветные образы и звучную красоту метких фраз, Плевако, несомненно, надеялся, что есть в нем ка-

кой-то материал для политического пророка. Так обманываются многие, блестящие с поверхности таланты, покуда «проклятые вопросы» не притиснут их в угол и не взглянут прямо в глаза. Когда очередь рокового экзамена дошла до Плевако, он растерялся и не сумел сказать ничего дельнее, как будто в нем «никогда не умирала надежда на введение в России такого порядка жизни, которым была когда-то (!) красна наша царская старина!» (Речь на предвыборном собрании в Москве 14 января 1907 года). Вместо политической программы, таким образом, была пропета ария Неизвестного из «Аскольдовой могилы», что «в старину живали деды веселей своих внучат». На «проклятые вопросы» XX века отвечал сказочный лепет о XVI и XVII веке!.. *Красноречием* политические речи Плевако (их две в первом томе) нисколько не уступают его судебным речам. Они плохи даже не тем, что в них «нет убеждения»: темперамент убеждения Плевако умел профессионально вызывать в себе, когда хотел, даже и для мнений, которым он гораздо меньше верил и которые гораздо меньше были нужны ему. Они плохи

безразличною пустотою, вокруг которой крутится словоизвитие. Плевако было просто «нечего сказать». И, в усилиях спрятать пустоту под маску многозначительности, раздражался он адвокатскими заключениями, громкими и эффектными в ухе, но поразительно ничтожными на бумаге, точно в «сценической» пьесе уход актера «на хлопки»:

Драгоценнейший краеугольный камень нашей гражданственности и предмет любви безмерной, наш манифест 17 октября, могучий камень: стучитесь! Миллиардами искр ответил он вам, искр, светящихся, греющих и уничтожающих то, что худо, веселящих и радующих тех, кто любит его, верит в него и вместе с тем верит в свое будущее.

В судебных речах Ф. Н. Плевако этот недостаток никогда не слышен. Поверенный частных интересов – защитник или обвинитель, он опирался, как на каменную стену, на конкретный материал, которым распорядился, поистине, с волшебным мастерством, как юрист, как поэт, как психолог. И вырастали из этой тройственности: оратор-гигант, речь-пламя, слово-молния, которое уничтожало

противную сторону, и потрясало, и разбивало силою своею не только слушателей, но и прежде всех самого вдохновенного риторика. «Сам плачет, а мы все рыдаем», – этот иронический стих мог бы послужить совсем не ироническим эпиграфом к собранию речей Плевако. И плакал он тогда не по-актерски, не притворно, не показной чувствительности ради, не «для присяжных», но совершенно – в этот момент – искреннею, из буйного сердца вылившеюся слезою... Речи по делу игуменьи Митрофании (1873, с нее, как известно, началась всероссийская слава Плевако), речь по делу Булах (1881, обвинялась в «причинении с корыстной целью расстройства умственных способностей» богатой купчихе Мазуриной), речи по делам о тяжких семейных и любовных драмах (Лукашевича, Прасковьи Качки, Лебедева, Ильяшенко, князя Грузинского и пр.) сохранились как свидетельства мощной способности Плевако «бить по сердцам с неведомою силою». Первые две из названных трудно читать без волнения даже теперь – в обесцвеченной печатной передаче и тридцать лет спустя!

Человек мистического мировоззрения, Плевако умел влиять на суд и присяжных мистическими же средствами. Иногда он на них сильно срывался (в Петербурге, напр.), но, попадая в подходящую среду, творил ими чудеса. Никто искуснее Плевако не «фехтовал текстами». С годами мистическое настроение захватывало знаменитого адвоката все глубже и глубже, стало для него искреннею потребностью. Это отозвалось и на его красноречии. Если следить за хронологией речей Плевако, легко заметить одну особенность: чем позже по годам речь, тем реже Плевако «защищает», – все чаще просит извинить и простить, все слабее опирается на право, все крепче нажимает струны милосердия и сострадания. Его клиенты начинают почти сплошь сходиться со скамьи подсудимых не столько оправданные, сколько помилованные. Присяжные отпускают их не потому, что убедились в их невинности, но потому, что пожалели: выплакал им пощаду защитник. Их не обелили, но отверзли им милосердия двери – к покаянию. Клиентам Плевако, – в это время все больше директорам банков и разным круп-

ным предпринимателям, – эти апелляции из области права в область религиозного отпущения грехов «по душам» весьма помогали. Но оратору, который по делу о скандале на заседании уполномоченных московского Кредитного общества (1896, дело Семенковича) предпочитал вместо речи по существу цитировать апостола Павла, конечно, было уже поздно помышлять о гражданской роли и метаморфозе в трибуна. И, действительно, роль не удалась и метаморфоза не совершилась.